

Абрамович С. Д.,
доктор філологічних наук, професор,
академик АН ВО України,
заведуючий кафедрою славянської філології
і загального мовознавства

Каменець-Подольського національного університету імені Івана Огієнка

ИУДА ИСКАРИОТ КАК ТРАГЕДИЯ БОГООСТАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуации, которая уходит своими корнями в гностические апокрифы, которые ставили целью оправдать измену Иуды как событие, которое повлекло к выполнению миссии Христа. Эта древняя ересь нашла многочисленных сторонников в эру Модерна, когда воцарилась установка утверждать безмерную низость человека, которую она якобы может преодолеть, лишь став титанической существом, призванной переделывать мир. Эта установка окрепла на фоне общей психологизации литературы в эпоху романтизма и реализма, когда стали искать духовную сложность даже и в евангельском Иуде. Сегодня в формате постмодернистского сознания и в контексте распространения рецептивной эстетики этот взгляд окончательно воцарился в литературоведении и даже предлагается как единственно верный студентам и школьникам. Но ситуация чаще всего свидетельствует лишь о некомпетентности и моральной индифферентности исследователя и неподготовленности его читателя, что требует серьезной коррекции.

Ключевые слова: Иуда Искариот, предательство как психологический феномен, богооставленность, моральная индифферентность, компетентность.

Широкий и надежный путь
Ведет Иуду только к Богу,
И нет возможности свернуть.
Мария Тилло

Постановка проблемы. Вот уже две тысячи лет образ Иуды Искариота остается символом низости и предательства. Тем не менее, уже с момента становления христианства и вплоть до наших дней не стихают голоса, оправдывающие или «либерально» оценивающие Иуду и его предательство. На заре новой эры возникла даже секта каинитов, которые, как пишет в своем «Справочнике по ересям, сектам и расколам» С.В. Булгаков, назывались еще иудайтами, потому что с уважением и почтением относились к Иуде. Но в общем началось все с гностического апокрифа «Евангелие от Иуды» (II в. н. э.), в котором Иуда трактуется как наиболее приближенный ко Христу ученик, и обосновывается идея, будто бы без предания Иудой Спасителя в руки гонителей не было бы и Крестной Жертвы; следовательно, мол, Иуда сыграл не менее, а может быть, и более важную роль, нежели другие апостолы. Скорее всего, эта холодная умственная игра, свойственная эллинистическим философам, порождена тем импульсом противления, которую психологи определяют как «подростковый негативизм», возникающий из стремления незрелого существа во что бы то ни стало сравняться со взрослым; вырисовывается здесь и чисто детское стремление к «справедливости» – т. е., чтобы «всем было поровну». Похоже, что подобный импульс был источником ложной оригеновой идеи, будто в конце времен Бог простит самого

дьявола¹. Но многие люди сохраняют эту духовную незрелость на протяжении всей жизни, так что стремление к реабилитации Иуды всегда имеет затаенную психологическую почву. Очень симптоматично, что найденный несколько лет тому назад обрывок папируса, представляющий собой изначальный текст (или один из ранних списков?) упомянутого выше гностического евангелия, вызвал целый шквал сенсационных публикаций в масс-медиа. Многие журналисты возликовали: то ли, мол, найдено, наконец, «подлинное» евангелие, то ли предстоят «серьезные коррекции» взгляда на раннее христианство, в котором якобы развивалась некая альтернативная концепция. Впрочем, уровень энтузиазма определялся здесь уровнем невежества: «Евангелие от Иуды» издавна прекрасно известно в копиях и было опровергнуто уже апологетами (Ириной Лионский). Однако в целом гностическое «оправдание Иуды» получило неожиданное продолжение в секуляризированной художественной литературе Новейшего времени, в том числе и в литературе русской. Как мне кажется, этот феномен заслуживает внимания, поскольку в нем прослеживается общий алгоритм богоборчества, оборачивающийся той «богооставленностью в силу отчаяния», о которой писал Максим Исповедник.

Анализ последних исследований и публикаций. Я не стану здесь ни пересказывать фабулу того или иного произведения, интерпретирующего образ Иуды, ни давать оценку литературно-художественным достоинствам этих произведений. Позволю себе лишь вкратце обозначить позиции некоторых писателей, обратившихся к теме Иуды, а также их истолкователей-литературоведов, чья критика преимущественно носит комплиментарный характер, причем обычно и писатель, и его истолкователь не стесняются на сей счет бурно фантазировать, так как в новозаветном тексте внимания этим вещам, естественно, не уделяется.

Вонистующий атеист А. Франс в романе «Сад Эпикура» (1895), не обращая внимания на «мрачные слова Евангелия», наделяет некоего аббата Эжже терзаниями по поводу того, что Иуда, якобы исполнивший ветхозаветные пророчества о Мессии, горит в аду, и автор приводит своего священника в ряды каинитов. Книжечный и вольнодумец Х. Борхес в рассказе «Три версии предательства Иуды» (1944) приходит к выводу, что Бог воплотился не в Иисуса, а в Иуду, ибо тут будто бы нужен был именно человек низменный и грешный. Греческий писатель Н. Казандзакис в романе «Последнее искушение Христа» (1955) влагает в уста Иисуса просьбу к Иуде о предательстве его, учителя, в руки иудеев. В романе польского писателя Г. Панаса «Евангелие от Иуды» (1973) Иуда трактован как интеллект, презирающий «наивную» проповедь Иисуса.

¹ Не он ли, этот самый импульс, диктовал «титаническому человеку» эпохи модерна, мыслящему себя вечно юным, дерзание перестройки созданного Богом мира?

Наконец, скандальный французский литератор Э. Кассе пишет в 2007 г. свой вариант «Евангелия от Иуды», в котором, предвзято методы Д. Брауна, с легкостью необыкновенной «расследует» давнюю историю, превозносит «миссию» Иуды и «доказывает», что гностическое «Евангелие от Иуды» – подделка XVI века. No comments.

В русской секуляризированной литературе образ Иуды возникает, в общем-то, параллельно¹. И нельзя сказать, что многие русские модернизаторы темы выходят за пределы только что описанного алгоритма реабилитации гностической концепции. В рассказе Л. Андреева «Иуда Искариот» (1907) уродливый лицом, но душою будто бы невыразимо прекрасный, будущий предатель особо близок к Иисусу, необыкновенно горячо любит его, и учитель отвечает такую же любовь; именно Иуда – главный апостол, ибо он выполняет задачу привести Христа на крест. Переосмыслил Иуду и Д. Мережковский в написанном в эмиграции «Иисусе Неизвестном» (1934): тут Иуда предстает, куда более близко к евангельскому преданию, фанатиком ветхозаветного понятия о ценностях, возмущенным, скажем, тем, что Мессию помазала блудница. На советской почве берет верх направление Л. Андреева, а не Д. Мережковского. Тут выворачивание наизнанку евангельского мотива становится чем-то само собою разумеющимся. Д. Бедный в «Новом Завете без изъяна евангелиста Демьяна» (20-е гг. XX в.) довольно топорно утверждает приоритет отреченного текста: «И вот стало явным, что было тайно: / Сохранилось случайно / Средь пыльной пергаментной груды / «Евангелие от Иуды» <...> / Нечто вроде дневника / Любимого Христова ученика». В «Мастере и Маргарите» М. Булгакова (опубл. в 1966 г.) Иуда, примитивный жизнелюб в «новеньких желтых сандалиях», предает исключительно из корысти, не ведает угрызений совести и убит рукой возмущенного апостола Левия Матфея (уж непонятно, почему именно Матфея – Евангелие последнего, в отличие от, скажем, взволнованного текста Марка, написано в спокойном и уравновешенном духе). В романе А.Н. и Б.Н. Стругацких «Отягощённые злом, или сорок лет спустя» (1988) евангельские события даны в подчеркнуто сниженном ключе, Христос трактуется как фанатик, надеющийся через собственную крестную смерть привлечь внимание к своей проповеди, а Иуда обрисован как «жалкий, слабоумный человек», который просто выполнил поручение за деньги; словом, в Иудею I в. перенесены типичные нравы и психологические стереотипы «совка». В рассказе Ю. Нагибина «Любимый ученик. Ночь на 14 нисана» (1991) воскресает, без особых изысков, гностическая трактовка Иуды как человека жертвенного; впрочем, Нагибин увлекается до такой степени, что ставит в финале Иуду выше самого Христа.

Советские ученые обычно истолковывали эти ситуации сообразно политической обстановке, тем самым вообще увводя читателя далеко в сторону. Так, исследовательница Л. Андреева Ю. Бабичева, выступившая в 1969 г. на страницах тогда еще боевито-атеистической «Науки и религии», отнесла замысел писателя на счет «стопыпинской реакции», когда проблема предательства стала, дескать, злободневной в связи с массовым ренегатством во вчерашних революционеров [2]. Ныне место этой квазисоциологии заступает всеядное стремление все вспомнить и ничего не упустить. Так, работу россиянки С. Замлеловой [4], хотя и снабженную справочно-библиогра-

фическим аппаратом, надо признать изрядно путанной и псевдо-постмодернистской по своим установкам: автор его широко апеллирует к теологическим, философским, искусствоведческим и др. источникам, плывя по этому океану явно без руля и без ветрил. При этом профессиональные литературоведы как подлинные «дети века сего» обычно полагают наиболее интересным и закономерным явлением субъективно-«современную» интерпретацию сакральной литературы, полагая, в духе философии Просвещения, современность некой высшей точкой прогресса². Свободная интерпретация Иуды в новой и новейшей художественной литературе однозначно трактуется ими как нечто значительное и чуть ли не превосходящее «однозначную» евангельскую трактовку³. При этом характерны туманность и обтекаемость, с помощью которой литературоведы пытаются завуалировать разрушительную роль подобных инициатив. Так, «многогранность», приписываемая современными писателями Иуде, будто бы «подтверждает сложность и противоречивость евангельской загадки, ибо в новозаветных текстах ёмко выражена одна из основополагающих проблем индивидуального бытия, вступающего в антагонистические отношения с общечеловеческим идеалом» [6, с. 230]⁴. Вторит А. Нямуц и О. Подлисецкая, попытавшаяся увязать в компаративистическую парадигму совершенно разнородные вещи – известную повесть Л. Андреева и рассказ О. Кобылянской «Юда», написанный в совершенно ином ключе [8]. С другой стороны, встречается довольно странное желание и «канон» уважить, и его разрушителей не обидеть: «Писатели, обращаясь к новозаветному материалу, не ставят перед собой цели разрушить (снизить, принизить и т. п.) канон. Они используют новозаветные коллизии, ориентируясь на этику, психологию и эстетику принципиально нового мировоззрения, которое выдвинуло XX столетие» [1, с. 3]. Встречаются и более рискованные умопостроения. Так, в весьма характерной для сегодняшнего состояния умов статье А. Томоруг [9], опубликованной, к слову, на сайте, курируемом Русской Православной церковью и осененной изображениями ангелов, мы находим много ценного. В первую очередь, это обращение к полузабытым или вовсе забытым художественным текстам («Иуда Искариот» П. Попова и пр.). Кроме того, автор (и с этим нельзя не согласиться) без возражений цитирует Д. Мережковского, который по поводу размышлений о «сложности» иудиней психики выразился однозначно: в этом евангельском персонаже запечатлена «проблема зла, поставленная так, как больше нигде и никогда в человечестве». С другой стороны, автор статьи с не меньшим энтузиазмом цитирует и М. Горького, в общем-то, тоже державшегося мнения о недопустимости реабилитации предательства, но, понятно, мыслившего вовсе не в том ключе, что Мережковский. Более того, в качестве методологического посыла в этой статье взя-

² Здесь игнорируется то, что Библия остается интертекстом нашей культуры, и никто из ее интерпретаторов, даже ранга Данте или Гете, не «потеснил» ее статуса.

³ К этому присовокупляется и широко представленный – в частности, в интернете, – ряд разработок школьных уроков, авторы которых очень боятся, как бы «сложность и противоречивость» Иуды не осталась незамеченной юношеством.

⁴ В другой своей работе исследователь бестрепетно уравнивает евангельскую сюжетную коллизию предательства и самоубийства Иуды с безбрежно «раскованными» трактовками позднейших секуляризированных писателей (разочарование Иуды в Иисусе как в Мессии; ревность Иуды к Иисусу, «отбившему» у него Марию Магдалину; «неблагодарность Иисуса», недооценившего любовь Иуды к нему; попытка художественной реализации каинитской концепции «предательство Иуды – реализация замысла самого Иисуса»; «Иуда как втайне самый любимый ученик Иисуса»; предательство Иуды как провоцирование реакции учеников, якобы обязанных после этого выявить свое подлинное отношение к Иисусу; расчет Иуды заполучить после победы Иисуса власть и богатство; Иуда – жертвенная личность, без которой не состоялась бы мистерия Спасения) [5, с. 89].

¹ Из-за недостатка места я не стану привлекать внимания к текстам, созданным в иных национальных литературах бывшего СССР, как, например, к роману белоруса В. Короткевича «Христос приземлился в Городне» и т. п.

та работа А. Нямцу, одного из самых активных приверженцев концепции «недопонятости» характера Иуды; в частности, почтительно цитируется мысль этого исследователя о некой «сложности и противоречивости евангельской загадки»; но какая, позвольте, в Евангелии загадка? Туман тут напустили исключительно равнодушные или враждебно настроенные к христианству позднейшие истолкователи. Все это свидетельствует, увы, лишь о том, что для А. Томоруг, как и для многих других, на самом деле совершенно безразличны как аксиология христианства, так и панорама разброса ее литературно-критического истолкования. Главное тут, похоже, механически собрать в рамках собственного текста все, что на данную тему когда-то писалось, и ничего не упустить. За всем этим стоит полная утрата чувства гносеологической необходимости такого понятия, как «истина», – в смысле соответствия рассуждения априорным принципам типа «категорического императива» и даже просто логической непротиворечивости. А ведь это лишь наиболее репрезентативные исследования среди разлитого моря однотипных им.

Никем не берется в расчет то обстоятельство, что это активное переистолкование Иуды определено не столько даже гностической традицией, сколько психологией Модерна, который, как справедливо заметил сегодняшний российский философ, утверждает, вопреки реальному положению вещей, концепцию «низменности» человеческой природы и стремится доказать, будто человек был таким всегда [7, с. 54]. Добавим: Модерн видел выход в обретении человеком титанизма, дерзания переустроить мир, пересмотреть или даже отринуть идею Бога-Творца. Согласно такому алгоритму, низменнейший из людей легко может пресушествоваться в некое, по слову Н. Бердяева, «человекобога».

Цель статьи. Совершенно очевидно, что возникает актуальная задача обнаружить в этом калейдоскопе различных позиций некую точку опоры. Мы не можем удовлетвориться в столь важном для нравственного здоровья общества вопросе разнообразными деформациями данной ситуации в духе рецептивной эстетики (исследования типа «О, мой Иуда!»), основанными, к тому же, чаще всего на поверхностном и вульгаризированном прочтении сложного культурного материала. Поэтому целью данного исследования является восстановление исконного, библейского взгляда на человеческую богооставленность в целом и на предательство Иуды в частности, что равнозначно освобождению благородной кладки древнего здания от прилепленных к нему на протяжении многих лет и построенных по нуждам того или иного времени разнообразных пристроек, клетушек и сараев.

Изложение основного материала. Для начала, нельзя не вспомнить горькое признание русского мыслителя середины XX ст.: «Мы живем как будто в такую эру истории, когда все доброе почему-то не удается, и все злое, преступное, лживое и безобразное нагромождается, усиливается и «организуется». Ложь, низость, виртуозное предательство и разрушение – такова политика целых государств. И вот, когда ценное и священное и божественное разбивается с такою легкостью, когда обнаруживается его изумительная хрупкость, невольно встает вопрос о всемогуществе Божества. Как может всемогущий Бог допустить посправание всех заповедей и святых? Как может «Человеколюбец» оставить человечество в этом ужасе?» Это слова русского мыслителя-эмигранта Б. Вышеславцева [3, с. 15], сказанные в преддверии Второй мировой войны человеком, еще не ведающим, что все это – лишь прелюдия к несравненно более

страшным испытаниям. Отправной точкой для этого отчаянно-прыжка европейца в пучину богооставленности стала крылатая фраза Ницше «Бог умер»¹.

На волне скепсиса, поднятой, с одной стороны, упрочением материалистического сознания, а с другой – «демифологизацией» Писания, широко предпринятой «библейской критикой»², даже иные христианские богословы стали в XX в. утверждать, что и в самом деле «Бог умер», и остается лишь следовать христианской этике в отношениях между людьми (Бьорнхоффер). Но христианская этика без христианской метафизики обречена иссохнуть, как растение, вырванное из почвы, а Бог умирает лишь для того человека, который сам от него отворачивается.

Однако можно ли назвать эту катастрофу исключительно детищем нашего времени? В Библии засвидетельствована агрессивность богоборчества уже в эпоху сложения библейского текста. И, более того, эта агрессивность коренится не столько в языческом или секулярном сознании, сколько в самой природе человека. В Псалмах содержится известная формула: «Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога». Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро» (Пс. 13:1). Подобно тому, как рука едва сделавшего первые шаги Адама отталкивает поддерживающую руку Создателя («Я сам!»), всякий человек фактически повторяет алгоритм первородного греха, отрекаясь от Бога и бунтуя против собственного Творца. Для того, чтобы мы осознали последствия этого бунта против собственного высокого предназначения, Писание рисует нам судьбу Ионы, столь активно противящегося воле Бога, что пророк оказывается не только во власти слепых стихий бури и моря, но и, в конечном итоге, во чреве кита, символизирующем пучину богооставленности³.

Темнее всего, как говорят, под самым фонарем. Нужно ли удивляться ветхозаветному пророку-богоборцу, не желающему слышать свой внутренний голос? Ведь рядом с самим Иисусом Христом обнаруживается воистину темная личность, воспринявшая его учение из первых уст, добровольно ставшая его учеником, и, тем не менее, оценившая жизнь своего Учителя в 30 серебряников. Иуда становится в веках символом бесповоротного отчаяния богооставленности, и его самоубийство есть естественный результат строптивости Творения, восставшего на Творца.

Поэтому любые попытки «эстетизировать» евангельского Иуду – сознательная или бессознательная реализация весьма целеустремленной программы разрушения традиционной христианской морали. И не только христианской: скажите на милость, где и когда всерьез поэтизировалось низкое предательство? В Ведах, например, ученик, предавший учителя, в следующем сансарическом воплощении обречен родиться собакой.

И если даже приложить категории эстетики к миру Библии, то оказывается, что здесь прекрасно лишь *движение мира к Богу*

¹ Впрочем, любопытна следующая картинка с натуры. На стене дома в одном западном городе красуется сделанное огромными буквами граффити: «Бог умер» (Ницше). Внизу написано другой рукой и мелкими буквами: «Ницше умер» (Бог).

² О том, как далеко заходит здесь либерально-теологическая мысль, можно судить по соображениям А. Швейцера, которые, в принципе, мало чем отличаются от старинных гностических интерпретаций. Так, в работе «Тайны мессиянства и страстей. Очерк жизни Иисуса» (1901) А. Швейцер полагает, что Иуда как бы вложил в головы Синедриона идею мессиянства Иисуса, а ласковое обращение последнего со своим предателем будто бы свидетельствует о «заединстве». Нет, свидетельствует оно все же лишь о бесконечной жалости к погибшему существу.

³ Характерно, что мотив пожирания человека чудовищем как удел грешника – это архетип, прочитывающийся и в примитивных мифах дикарей, и в развитой языческой мифологии – вспомним Книги Мертвых, и египетскую, и тибетскую. Как отмечают исследователи, этот мотив связан с архетипом Инициации [10, с. 23].

(עלם – olám); прекрасен не «телесный» и даже не «душевный» человек, а «духовный» (1 Кор. 15: 44–46). Иуда же выступает в евангельском тексте однозначно чудовищным и безобразным, так как употребил свою свободную волю для совершения того преступления против Духа, которое не прощается (Мф. 12:31, 32). Я не думаю, что здесь возможны истолкования в «постхристианском» духе, так как звонкий и пустой термин «постхристианский», вольно гуляющий по страницам многих сегодняшних гуманитарных исследований, являет собой, по ближайшем рассмотрении, *дохристианскую*, по сути, языческую (или неоязыческую) позицию: здесь, в общем-то, чаще всего повторяются достаточно прочно забытые (или обнаруженные сегодняшним «постхристианином» в тиши библиотеки?) антибиблейские выпады во вкусе Цельса или Юлиана Отступника, давно уже исследованные и развернуто опровергнутые в святоотеческой литературе. Но кто же ее берет сегодня в расчет? Торжествует взгляд, крайне откровенно сформулированный нашим знаменитым поэтом, гораздо менее знаменитом как активный масон, И. Франко: *смітник людського духу*. То есть в формате просветительского сознания, являющего собой один из пиков Модерна, средневековое литературное творчество – это «не литература», а так, пустое место. Но сегодняшнее культурное сознание предлагает считать литературой не только тексты, созданные по нормативам аристотелевой поэтики: в современной западной науке давно и плодотворно работают понятия метаязыка (metalinguage) и метакритики (metacriticism), размыкающие границы художественного текста, некогда абсолютизированные структуралистами, а современная метапоэтика возвращает понятию «литература» исконное значение «*все, что написано буквами*». Поэтому такие книги, как Библия, следует рассматривать не как сундук с хламом, годным лишь для полемических или глумливых интерпретаций, а как живой и плодотворный интертекст культуры.

Выводы. Итак, любые ухищрения «понять», «усложнить» и «оправдать» Иуду изначально тенденциозны по своей антихристианской природе. Самолюбование «эмансипированного от религии» человека Нового времени (вспомним умиленное речение К. Маркса «Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо»), которое привело к раскрепощению бездны звериного, не может стать моральным ключом к истолкованию данного феномена. Мало кого занимает и предполагаемая постмодернистским сознанием деконструкция основоположных сигнификаций культуры в отстраненно-отчужденном пространстве интеллектуальной игры. Все же эстетика духовных катастроф, пусть даже она находит достаточное количество именитых и менее именитых апологетов, мало прельстительна для естественного экзистенциального самоопределения личности. Но эти вопросы требуют дальнейшего развернутого и, самое главное, компетентного обсуждения.

Литература:

1. Антофійчук В. Образ Иуды Искариота в українській літературі / В. Антофійчук. – Чернівці : Рута, 1999. – 104 с.
2. Бабичева Ю. Леонид Андреев толкует Библию (Богоборческие и антицерковные мотивы в творчестве писателя) / Ю. Бабичева // Наука и религия. – 1969. – № 1. – С. 41–42.
3. Вышеславцев Б. Богооставленность / Б. Вышеславцев // Путь. – 1939–40. – № 61. – С. 15–21.
4. Замлелова С. Художественная антропология образа Иуды Искариота в литературе XX века / С. Замлелова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ruskline.ru/.../hudozhestvennaya_antropologiya_obraza_iudy_iskariota.

5. Нямцу А. Предательство Иуды (философско-психологические трактовки и литературные версии евангельской коллизии) / А. Нямцу // Библия і культура. Зб. наук. статей. – Вип. 2 / За редакцією А. Нямцу. – Чернівці: Рута, 2000. – С. 84–97.
6. Нямцу А. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования) / А. Нямцу – Черновцы: Рута, 2007. – 520 с.
7. Пигалев А. Деконструкция денег и постмодернистская концепция человека / А. Пигалев // Вопросы философии. – 2012. – № 8. – С. 50–60.
8. Подлісецька О. Мотив зради в літературі початку ХХ ст. («Іуда Іскаріот» Леоніда Андрєєва та «Юда» Ольги Кобилянської) / О. Подлісецька // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Філологічні науки. – 2014. – № 2 (8). – С. 59–62.
9. Томоруг А. Образ Иуды Искариота в литературе XX века / А. Томоруг [Электронный ресурс]. – Режим доступа : gos-vos.net/christian-culture/lit_prav/bibl/iuda/8/.
10. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде ; Пер. В. Большакова. – М. : Академический Проект, 2001. – 240 с.

Абрамович С. Д. Іуда Іскаріот як трагедія богопокинутості

Анотація. Статтю присвячено аналізу ситуації, яка сягає своїм корінням гностичних апокрифів, що ставили на меті виправдати зраду Юди як подію, котра спричинила до виконання місії Христа. Ця стародавня ересь знайшла численних прихильників в еру Модерну, коли запанувала установка стверджувати безмірну ницість людини, яку вона начебто може подолати, лише ставши титанічною істотою, покликаною переробити світ. Ця установка зміцніла на тлі загальної психологізації літератури в добу романтизму та реалізму, коли стали шукати духовної складності навіть в евангельському Юді. Нині в форматі постмодерністської свідомості та в контексті поширення рецептивної естетики цей погляд остаточно запанував у літературознавстві і навіть пропонується як єдино вірний студентам та школярам. Але ситуація найчастіше свідчить лише про некомпетентність та моральну індіферентність дослідника і невідгованість його читача, що вимагає серйозної корекції.

Ключові слова: Юда Іскаріот, зрада як психологічний феномен, богозалишеність, моральна індіферентність, компетентність.

Abramovych S. Juda Iskariot as a tragedy of Godforsakenness

Summary. Judas is a symbol of treachery. However, from the times of the Gnostics do not abate voices to justify Judas, especially in the secular literature of Modern, when the institution reigned to assert the immense virtue of a person, which it seems to be able to overcome becoming a titanic being (France, Borges, Kazantzakis, Kasse, Panas, etc.). In Russian literature (Andreev, Merezhkovsky, Demyan Bednyi, Bulgakov, Strugatsky brothers, Nagibin) the writer is ready to justify the evil. Soviet and post-Soviet researchers remain in the wake of the modern literary interpretation (Yu. Babichev, S. Zamlelova, A. Nyamtsu, V. Antofiychuk, O. Podlissetskaya, A. Tomorug, etc.). They use the postmodern freedom of deconstructive reading of texts and the possibilities of receptive aesthetics in the key “My Judas”. As a result, the outspoken scoundrel of the biblical source surrounded by aura of benevolence and endowed with a non-existent psychological depth. Attempts to aesthetization Judas is the realization of a program of destroying Christian axiology: in the Bible, only the movement of the world to God (עלם – olám) is fine, and not the rebellion of Creation against the Creator, who carries out Judas in his deadly desolation of God.

Key words: Judas Iskariot, treason as a psychological phenomenon, Godlessness, competence, moral indifference.